

Елена Ивановна Михалкова

Пари с морским дьяволом

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320877

Михалкова, Елена Ивановна Пари с морским дьяволом: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085565-0

Аннотация

Ах, как заманчиво – убежать от проблем, интриг, потерь и горестей! Встать за штурвал, поднять паруса – и полный вперед! Но спрятаться от себя не получится. Несчастья преследуют пассажиров бригантины «Мечта», а убийство на борту ставит крест на тихом отдыхе. Что это – чья-то злая воля? Или происки морского дьявола? Читайте в новом детективе Елены Михалковой «Пари с морским дьяволом».

Благодарим Л. Беспалову за разрешение использовать в тексте цитаты из А. Кристи «Десять негрятят»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Михалкова

Пари с морским дьяволом

Моему мужу, с любовью – и с самой большой благодарностью за эту книгу.

– Уж я сумею за себя постоять, будьте уверены!

– Не люблю держать пари. К тому же, если вас убьют, кто отдаст мне выигрыш?

Агата Кристи, «Десять негритят»

© Михалкова Е., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

Чайки носились вокруг корабля и свирепо орали, будто намеревались атаковать его. «Самая что ни на есть пиратская птица – это чайка, – подумал боцман. – Чайка, а вовсе не попугай! Наглая, крикливая, жадная и берет не умением, а числом».

Он покосился на туристов, высыпавших на набережную. Почти у всех в руках поблескивали телефоны: люди торопились запечатлеть «Мечту» до того, как она уйдет в открытое море.

Боцман перевел взгляд на вновь прибывших, теснившихся на баке, и усмехнулся. Вид у них был ошарашенный.

Само собой, все они видели фотографии на сайте. Каждый был уверен, что хорошо подготовился к предстоящему плаванию.

Да только к такому подготовиться нельзя.

На «Мечту» попадали и зеленые новички, у которых самым ярким туристическим событием был сплав на плотах по мелководной речке в Турции, и многоопытные путешественники, профессиональные ловцы впечатлений. Последних боцман легко узнавал по тени пресыщенности на лицах. «Ну-ка, ну-ка, – говорили их глаза, – чем попытаетесь удивить нас, выдавших столько чудес, что вам и не снилось?»

Боцман, втайне любивший сшибать спесь с человек, каждый раз торопился мысленно схватить это выражение и подсчитать, сколько секунд уйдет на очередного зазнайку.

Больше трех не выдерживал никто.

Снисходительность сползала с их лиц, будто старая грязная пленка, обнажая чистое изумление и детский восторг.

Как у мальчишки, впервые севшего на свой собственный гоночный велосипед.

Как у девочки, подбежавшей к зеркалу в сверкающем новогоднем платье.

Как у взрослого, впервые увидевшего бригантину «Мечта».

Маша незаметно взглянула на мужа, боясь обнаружить ставшую привычной уже маску: усталость и плотно сжатые губы. Но Сергей, широко раскрыв глаза, смотрел на мачты, и лицо его светилось искренней радостью – первый раз за несколько месяцев. И самой Маше сразу стало радостно и спокойно, она принялась крутить головой и рассматривать все-все, чтобы впитать в себя и никогда не забыть.

Море было безудержно синего цвета, и этой ярчайшей избыточной лазурью оно щедро делилось с миром. Голубые лодки качались у причала, подслеповато синели окна старого здания порта, отражая воду. Причал был заляпан пятнами густых, точно пролитая гуашь, теней от пришвартованных яхт.

Белыми были лишь чайки, облака и паруса бригантин. В сложенном виде они напоминали смятые крылья бабочки, которая только что вылупилась из кокона. «Полетит, – подумала Маша, – скоро полетит! И мы вместе с ней».

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

Вся группа непроизвольно вытянулась. К ним подходил, широко улыбаясь, статный красавец в белоснежной рубашке.

«Ай да капитан! – мысленно ахнула Маша. – Хорош, каналья».

Девушка рядом с Машей восхищенно присвистнула совершенно по-мужски.

– Старший помощник капитана Артем Диких, – отрекомендовался красавец. – Поздравляю с прибытием на борт «Мечты»!

Вокруг зашумели нестройные приветствия.

– Сейчас мы с вами спустимся в кают-компанию и познакомимся с экипажем, – продолжал старпом. – Прошу за мной.

– А почему мы – курсанты? – тихо спросила Маша у мужа.

– Наверное потому, что учиться будем, – вполголоса ответил Сергей.

В кают-компании новоиспеченные курсанты расселись за большим круглым столом с бортиками. Напротив Маши оказался немолодой худощавый мужчина в очках, длинноволосый, с тонким интеллигентным лицом. «Писатель? – попыталась угадать она. – Музыкант?» На его запястьях болтались браслеты из кожаных шнурков и бусин.

Все напряженно выжидали. Никто не лез за фотокамерой, не отправлял эсэмэсок, не ерзал у окна, выбирая удачный ракурс.

Группа как будто ждала сигнала.

«Итак, нас восемь. Мы сидим вокруг деревянного стола и с любопытством поглядываем друг на друга. Все это напоминает собрание анонимных алкоголиков, как его показывают в фильмах. Ну, знаете, когда со стула поднимается помятый мужчина с одутловатой физиономией и сообщает, что его зовут Джон и он – алкоголик.

А у нас собрание любителей приключений. Что бы сказал каждый из нас, если бы был совершенно откровенен?

Давайте начнем с меня.

Здравствуйте, сказала бы я, меня зовут Катя, и я собираюсь убить одного человека. Я здесь именно для этого.

По усмешкам на ваших губах я вижу, что вы мне не до конца верите. И правильно делаете.

Я пошутила.

Меня зовут вовсе не Катя».

Дверь кают-компания наконец распахнулась. Кряжистый мужчина с обветренным до красноты лицом, вида крайне внушительного и сурового, обвел всех взглядом без улыбки. На белом кителе хищно сверкнули золотые пуговицы.

– Викинг! – прошептал кто-то.

– Капитан! – веско поправил вошедший. – Илья Ильич Муромцев. Как называют капитана на корабле?

– Первый после бога, – не задумываясь, ответил носатый очкарик в браслетах.

– Верно. А почему?

– Потому что на судне у вас безграничная власть.

– И снова правильно, – кивнул Муромцев. Жесткий его взгляд, скользнув по группе, остановился на Маше, и она ощутила непреодолимое желание спрятаться за мужа. Слишком грозный им достался капитан.

– Ой, я вас умоляю! Такая уж и безграничная... – прогнусавил кто-то.

В первый момент Маша решила, что ее подвел слух. Но увидев, как резко разворачивается всем корпусом свирепый Муромцев, поняла, что не ослышалась.

– Кто посмел перечить капитану? – тихо и угрожающе осведомился Илья Ильич.

– Не перечить, зачем же перечить! – Субтильный человек с косматой бородашкой и блестящими черными глазами выбрался из-за спин команды. – Я просто излагаю факты.

Он запустил пятерню в бороду и ожесточенно почесал. Борода приобрела полное сходство с заброшенным вороньим гнездом.

– Вздернуть на рее, – холодно и просто распорядился капитан.

Несколько секунд испуганной Маше казалось, что команда без рассуждений бросится исполнять приказ. Но никто не двинулся с места.

– Вот, – его бесстрашный оппонент поднял палец. – Именно об этом я и говорил. Можно вздернуть меня на рее? Никак нет. Запрещено законом.

– Что за время! – с горечью посетовал капитан, оборачиваясь к группе. – Ни тебе механика вздернуть, ни кока выпороть.

– Трудные условия, – поддакнул нарушитель спокойствия. – Хотя насчет кока я бы не зарекался.

Только теперь до Маши дошло, что перед ними разыгрывается спектакль. Позади нее сдавленно хрюкнул Сергей, кто-то рассмеялся, не скрываясь, и общее напряжение растворилось, будто и не было.

– Господи, мы ведь думали, вы взаправду... – выдохнула женщина в цветастом шарфе, сидевшая рядом с очкариком в браслетах.

Муромцев улыбнулся и сразу из викинга превратился в фермера, в честь праздника надевшего лучший костюм.

– Представляйся сам, Ваня. Раз уж до реи не дошло.

Косматый маленький человечек поправил ворот рубашки под горлом.

– Иван Васильевич Козулин, – прогнусавил он. – Для своих – Дед. На этом судне выполняю обязанности механика и врача. Если где-то что-то не работает, я подкручу, и все наладится. Это не только к механизмам относится, но и к вашим организмам, чтоб они были в порядке, мои хорошие!

– Да вы практически бог! – заметила та же девушка, которая присвистнула при виде старпома. У нее были очень короткие белые волосы, торчащие ежиком.

– Скорее, его и.о., – поправил механик. – Темир, дорогой, твоя очередь.

Вперед выдвинулся круглолицый скуластый татарин с едва заметными усиками над тонкой губой.

– Темир Гиреев я, – с мягким, еле слышным акцентом сказал он. – Штурман, радист, ну и по совместительству за всю электронику отвечаю. Очень рад вас всех здесь видеть!

Он отступил назад, и его место занял низенький толстяк с лоснящимся желтым лицом.

– Кок! – с достоинством сообщил он. – Афанасий.

– Нафаня! – хором воскликнули механик и молодой прыщавый парнишка с длинными волосами, собранными на затылке в хвост.

– Кому Нафаня, кому Афанасий Петрович, – возразил кок, метнув сердитый взгляд на юношу.

– Афанасий Петрович – царь котелка и бог плиты, – серьезно сказал капитан. – Разнослов не обещаем, но что будет вкусно – не сомневайтесь. Антоха, два шага вперед!

Щуплый паренек с хвостом повиновался и отсалютовал:

– Здравсте всем! Я тут как бы матросом.

Муромцев покачал головой, и паренек исправился:

– То есть просто: матросом. Рассказывать о себе не особо умею, уж извиняйте. Зато все покажу, что надо. Снасти будем учиться разбирать. Палубу драить. В общем, всему потихоньку. Правильно говорю, Илья Ильич?

Капитан одобрительно кивнул, и парнишка расцвел в улыбке.

– А где же Яков Семеныч? – вдруг закрутил головой механик. – Без него никуда. Он для вас, мои хорошие, на ближайшее время самый главный человек!

...«Тут они, конечно, уши наострили! И глазищи у всех сразу круглые, как у сов. Прежде они думали, что главный человек для них – это капитан. А тут какой-то Яков Семеныч выискался.

Умеет Козулин подготовить почву.

Появился я, как Дед Мороз под аплодисменты, и поначалу все шло как обычно. Муромцев им объяснил, что на корабле они будут под моим руководством, с Антохой на подхвате. Вообще-то у нас еще и старпом отвечает за работу с *салагами*. Капитан это словечко недолюбливает и нас за него шпыняет. Оно и правильно. Эти группы – наш хлеб, а также масло. Включая машинное, угу.

А вы как думали? «Мечта», конечно, бригантина, со всеми полагающимися парусами на фоке и гроте. На первый взгляд мы выглядим как старинное судно. Но только на первый. Знающий человек приметит и лебедки на палубе, и прочие современные штуковины. А потом приглядится к корпусу и сообразит: судно с таким оснащением не может быть без начинки.

И будет прав. Там стоит неплохой дизель, не слишком мощный, но нам хватает. Обычно-то мы под парусом идем, как и полагается. Но случись что, есть запасной вариант.

А я, знаете, с возрастом стал не то трусоват, не то осторожен. Люблю, чтобы всегда был запасной вариант. Так что наша «Мечта» – шхуна ровно по мне, и нет для меня ничего дороже этой посудины. Но обслуживать ее стоит – мама, не горюй! Поэтому над группами мы трясемся, как пингвин над яйцом: чтоб салаги и сами довольны остались, и друзьям нас рекомендовали. То есть, не салаги, а *гости*.

Группа в этот раз оказалась небольшой, всего восемь человек. Как правило, десять, а один раз напросилось пятнадцать. Но это уже перебор.

Так что когда я вошел в кают-компанию, никакого подвоха не ожидал. Успел понаблюдать за нашими новичками, пока они глазели на мачты и снасти.

Разные у нас попадают гости. Бывало, кое-кого приходилось ссаживать в ближайшей гавани. Как-то затесался в группу наркоман, другой раз – алкоголик, но его Василич быстро раскусил: рыбак рыбака издалека видит. «Химика» Муромцев сразу выкинул за шкибон, как драного кошака, а за тем мужичком мы всю дорогу присматривали, и обошлось без инцидентов. Поработайте с моё при салагах, живо научитесь определять, кто на что способен. Никаких пакостей можно не ждать – так я подумал, едва глянул на новую группу. Разве что вот эта деваха, похоже, неугомонная: с волосами как снежные иглы и татуировкой змеи на предплечье.

Сама с чертиками в глазах, а мужик при ней – мордастый, обрюзгший. Он-то меня первым и спросил, чем будем заниматься.

Для начала, говорю, изучать правила безопасности. Считайте, что я для вас временные папа с мамой в одном лице.

Стоим у штурвала, я все подробно объясняю, они, как дети, за руками следят... А одна женщина – рыжая, тонкая, беспокойная – то на меня глянет, то на мужа. Здоровенный бугай, плечистый: ну медведь медведем! И она глазами тревожно туда-сюда, туда-сюда шьет. Словно боится, что ему сейчас осточертеет моя инструкция и он прямо с палубы в воду сиганет.

И вот тут меня первый раз кольнуло.

Что, думаю, за чертовщина такая? Подозрительность разыгралась, или ревматизм подбирается?

Посмотрел на наших гостей еще раз. Повнимательнее.

Рыжая топчется рядом с медведем, татуированная деваха – со своим мордатым. Длинноволосая русалка в дурацкой красной бандане – при раскосом черноглазом парнишке. Еще двое жмутся друг к другу: интеллигент с седыми патлами и жена его, приятная молчаливая тетка лет под сорок типичной среднерусской наружности.

Нормальные люди на первый взгляд.

Что ж у меня на душе кошки так отчаянно скребутся?»

Глава 2

Каюта оказалась тесной, не повернуться. «Скажи спасибо, что не кубрик, – усмехнулся Сергей. – Спали бы все рядышком, в гамаках, как и положено курсантам, и никакого тебе личного пространства».

Пусть, думала Маша. Пусть никакого личного пространства. Она согласилась бы и на это.

На что угодно, лишь бы вытащить мужа из состояния, в которое он неумолимо погружался с каждым днем.

Три месяца назад при расследовании в старом особняке пропал его напарник и друг Макар Илюшин¹. Лучший частный сыщик Москвы исчез при совершенно необъяснимых обстоятельствах. Рядом с особняком находилась оранжерея с розами. Именно там, внутри, служебная собака обнаружила самый свежий след Макара.

Он обрывался у двери.

Сергей обыскал все. Лес обшарили, оранжерею перевернули вверх дном и разве что не разрыли. Нанятые помощники с утра до ночи опрашивали всех людей в округе. Но никто не видел светловолосого парня лет двадцати пяти, похожего на студента. Сперва Бабкин подозревал очередную шутку Макара, иногда склонного к недобрым розыгрышам. Эта надежда поддерживала его первые две недели.

Потом и она испарилась. *Так* Илюшин пошутить не мог.

Морги. Больницы. Подвалы. Заброшенные заводы. Притоны.

Сергей искал повсюду.

Макара Илюшина нигде не было.

Сергей невероятным усилием поднял весь круг знакомых и забросил широкий невод. Самые разные люди, от работников заправок до оперативников, искали хотя бы тень следа. Ничего.

К концу второго месяца поисков на Сергея было страшно смотреть. Он столкнулся не просто с потерей – с потерей непостижимой! Его рациональный ум искал объяснение случившемуся, но спотыкался о полное отсутствие фактов. Достоверно утверждать можно было лишь одно: Макар Илюшин в середине дня покинул дом и зашел в оранжерею.

Все, случившееся после, выглядело сплошным белым пятном.

– Вашего друга внезапно настиг кризис среднего возраста, – поведал Бабкину знакомый психотерапевт. – Такое случается сплошь и рядом, поверьте моему опыту. Люди на ровном месте круто меняют свою жизнь. Только что был человек – и уже нет его. А где же он? Сидит на берегу океана, полирует карму. Ваш Макар давным-давно где-нибудь в Индии, Тибете или на Байкале.

Уехать в Тибет Макар, пожалуй, мог. Но лишь затем, чтобы расследовать загадочное исчезновение послушника из древнего монастыря. И он никогда не бросил бы друга в полном неведении.

Маша помогала мужу в поисках, и сердце ее сжималось от горя и тревоги. Она видела, как одна за другой отпадают выстроенные им версии. Бабкина охватило подобие умственной лихорадки. Он вцеплялся в любые предположения, включая самые бредовые. Ездил к экстрасенсам. И не мог ни говорить, ни думать о чем-то еще, кроме исчезновения Илюшина.

А потом нервное возбуждение сменилось отупением.

Сначала Маша даже обрадовалась. Для себя она давно нашла объяснение случившемуся. Кто-то проходил мимо оранжереи, увидел человека внутри, зашел и убил его. Нарко-

¹ Читайте об этом в детективе «Комната старинных ключей».

ман, а может, сумасшедший. Убийца вытащил тело из оранжереи и закопал в лесу, а следы замаскировал.

Эта версия объясняла все. Но Бабкин отказывался в нее верить.

– Чтобы Макара прикончил какой-то случайный прохожий? Исключено. С его-то чутьем! Психа бы он к себе не подпустил, а наркоману с ним не справиться. И потом, мы не нашли в оранжерее следов борьбы.

Маша возражала про себя. Нет следов борьбы – значит, Илюшин успел выйти наружу. И за дверь притаившийся человек нанес ему смертельный удар.

Она не говорила этого вслух. Бабкину, с его опытом оперативной работы, не нужно было подсказывать, в каком направлении искать. Он сам старательно отталкивал от себя Машино предположение.

Но по мере того как ниточки расследования обрывались одна за другой, Сергей все чаще приезжал в лес за особняком. Ходил, присматриваясь к каждой кочке, к каждому бугорку земли. Ворошил палкой траву.

Наконец он перестал и приезжать.

В середине августа Сергей взялся за новое дело, уже один, без Илюшина. Фактически это означало завершение активных поисков.

Маша испытала бы облегчение, если бы не видела произошедших с мужем перемен. Бабкин стал молчалив и как-то равнодушен ко всему. Дело он расследовал очень быстро и профессионально. Восхищенный клиент напоследок долго благодарил Сергея и утверждал, что они расстанутся лучшими друзьями. А о том, что частный сыщик забыл о его существовании, как только закрылась дверь, он не догадывался.

По молчаливому соглашению Сергей с Машей признали, что Илюшина больше нет. Погиб при невыясненных обстоятельствах. Бабкин, как на работу, по-прежнему ездил в морги на опознание неизвестных трупов. Сначала Маша боялась, что однажды он вернется и в ответ на ее безмолвный вопрос кивнет. Потом она стала на это надеяться. Любая определенность, даже такая, была бы лучше неизвестности.

День шел за днем, ничего не менялось, и ей иногда казалось, что теперь так будет всегда: рутинные поездки на опознание, пустые глаза мужа по возвращении. Вернуть к жизни Илюшина Маша не могла. Но она могла попробовать вернуть Сергея.

«Переключить. Увезти куда-нибудь подальше. Но не просто сменить обстановку, а что-нибудь... Что-нибудь необычное! Чтобы он все время был занят. И чтобы ему это нравилось».

Все идеи отдыха в отелях Маша сразу отвергла. Ей требовалось что-то совсем другое.

Сплав по Амазонке? Сафари в Африке? Путешествие к водопаду Виктория? Она перебирала сайты, читала отзывы, но каждый раз интуиция подсказывала: не то.

Маша почти сдалась, когда на глаза ей попало объявление. «Морское путешествие на бригантине».

И фотография: шхуна под белоснежными парусами, скользящая по волнам.

Маша вынула из сумки таблетки от морской болезни и положила на видное место. Скоро, очень скоро они ей пригодятся.

Сергей стоял, едва не упираясь головой в потолок, и с любопытством изучал устройство второго яруса кровати. В этой маленькой каюте он казался великаном. А сама каюта, и без того крошечная, съежилась до размеров табакерки.

– Ну что, как тебе здесь? – осторожно поинтересовалась Маша.

– Пока – здорово! – Бабкин выглянул в мутный иллюминатор. – Красота, конечно, немыслимая. Корабль этот словно дышит. Как будто он...

– Живой, – тихо подсказала Маша.

Сергей не расслышал, махнул рукой:

– Ладно, потом сформулирую. Вот с командой я пока не совсем разобрался.

– Их слишком много?

– Нет, просто у меня от них двойственные ощущения.

– Почему?

– А тебе не кажется, что они несколько картинные? Джеклондоновские персонажи, м-м? Кок – ворчливый толстяк, капитан – герой, матрос простоват.

Маша задумалась.

– Да, пожалуй. Но я понимаю, почему. Они должны оправдывать ожидания зрителей. Капитан не может быть вредным сморчком. Только не на «Мечте»!

Сергей забрался на кровать, вытянулся и пошевелил пальцами на ногах. Пальцы свисали над полом.

– Так я и думал – коротка! – простонал он. – Уйду в гамак, буду спать в гамаке.

Маша подавила смешок. Последний раз Сергей пытался спать в гамаке на даче. Вместе с ее сыном Костей они сначала долго привязывали полотно между двух яблонь, а затем с гордостью демонстрировали ей прочные узлы какой-то специальной вязки. «Выдержат любой вес, мам!» – клялся Костя. Потом Бабкин лег в гамак, и тот порвался посередине.

– Ножки подожмешь. – Она подсела к нему на кровать. – О чем мы говорили?

Бабкин тут же сгреб ее в охапку.

– Ай! Оставь! – смеясь, отбрыкивалась Маша. – У нас инструктаж через пять минут! Мне еще волосы заплетать!

Наконец Сергей неохотно выпустил ее и стал смотреть, как она легко и быстро подбирает вверх пушистые рыжеватые пряди, одну за другой. Солнце просачивалось в каюту, запутывалось в волосах, и казалось, будто это Машка сияет, вся, от макушки до босых пяток.

«Если бы Илюшин был жив, я был бы абсолютно счастливым человеком».

Эта мысль словно ударила Бабкина под дых.

«Пошел к такой-то матери, – с глухой злобой приказал он неизвестно кому. – Заткнись, неврастеник».

И чтобы не чувствовать снова внутреннего черного кома, набирающего скорость под гору, как снежный шар, он поднялся с кровати и спросил с преувеличенным интересом:

– Так что про зрителей?

– Про что? А, про команду... Вряд ли они притворяются всерьез. Нас развлекают безобидным маленьким аттракционом. Как при первой встрече, когда капитан сыграл сурового морского волка, а потом преобразился. Это было даже мило!

Бабкин сделал два шага по каюте и уперся в столик. Неожиданная мысль пришла ему в голову.

– Если, конечно, игрой был суровый морской волк, – подумал он вслух.

– Что?

Сергей обернулся к жене.

– Я б не поручился, что игрой был именно первый образ, а не второй.

Когда они поднялись на палубу, все были в сборе. Яков Семеныч возвышался на юте, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

В кают-компани Бецман появился последним и произвел на Машу неизгладимое впечатление. Он был смугл, как прокопченный на солнце лещ, лыс, нос имел приплюснутый, щеки впалые, а глаза – такой чистой голубизны, как будто за годы хождения под парусом в них въелось море. Маша заподозрила бы линзы, если бы перед ней стояла кокетливая девушка, а не старикан лет семидесяти. Лысина его была безупречна: коричнево-красная,

гладкая, как отполированное дерево. Легко можно было представить, что перед сном он протирает ее мягкой замшевой тряпочкой.

Перед тем как выйти на палубу, боцман нахлобучил белый пробковый шлем: «Привыкайте, хлопцы. Головушку защищаем. Тут не Россия!»

«Хлопцы» дружно закивали. Солнце вроде бы и мягкое, а не успел обернуться – от тебя уже одни угольки дымятся. Вон у боцмана физиономия какая! Как у кочегара.

– Будем учиться ставить паруса! – обрадовал Яков Семеныч. Голос у него был хриплый, прокуренный. – Первое, что вы должны знать: снасти на руку не наматываем!

– А почему? – встряла блондинка с татуировкой.

– Потому что руку оторвет, – флегматично информировал боцман. – А без руки некрасиво.

Он подождал немного, но больше вопросов не поступало.

– Обувь у всех удобная? – оглядел их Яков Семеныч. – Чудно. Сейчас Антоха страховочные пояса разберет, и начнем, помолясь.

Следующие несколько часов Маша карабкалась на мачты, запоминала, чем шкот отличается от браса, как крепят ходовой конец и что означает «набить ванты». К концу занятия голова у нее распухла от новых сведений, пальцы покрылись волдырями, несмотря на защитные перчатки, ноги гудели от бесконечного лазанья вверх-вниз.

Она посмотрела на своих спутников. Блондинка со змеей на предплечье, воспользовавшись перерывом, фотографировалась возле борта. Маша уже знала, что ее зовут Яна, а ее мужа – Владимир. Но только теперь она обратила внимание, до чего девушка хороша собой.

Гибкая, подвижная, она и сама напоминала змейку: маленькую, экзотическую и очень опасную. Серебристые брови. Белоснежные волосы. Синие, широко расставленные глаза с необычайно яркой черной точкой зрачка. Когда Маша видела таких красивых людей, ей казалось, что перед ней существа с другой планеты. Прилетели в рамках культурного обмена: заимствуют у нас традиции и ритуалы, а нам на память оставляют комплекс неполноценности.

Маша на секунду ощутила себя большой и неуклюжей лошадей. Рыжей.

– Володя, теперь вот так! – задорно крикнула Яна.

Хоп – и одним прыжком взлетела на борт, забалансировала на цыпочках.

– За ванты держись! – потребовал ее муж.

– Даже не подумаю!

Боцман обернулся. В несколько быстрых шагов преодолел разделяющее их расстояние и успел как раз вовремя, чтобы подставить руку спрыгнувшей девушке.

– Что я вам говорил три часа назад? – поинтересовался он.

– Яков Семеныч, больше не буду! – клятвенно пообещала Яна и прижала руку к сердцу.

В уголках губ дрогнула усмешка.

«Будет, – подумала Маша. – Из принципа, чтобы сделать по-своему».

Похоже, боцман тоже это понял. Он погладил щетинистый подбородок и позвал:

– Подойдите-ка сюда, хлопцы.

Дождавшись, когда пассажиры соберутся вокруг, похлопал рукой по верхней доске борта. Маша уже выучила, что она называется планшир.

– Вот с этого самого места, – неторопливо начал он, – несколько месяцев назад свалился человек. Вроде бы и ничего страшного, угу? – он обвел всех внимательным взглядом. – Вода же внизу.

Все молчали.

– Вода! – наставительно повторил боцман. – У воды бывает два состояния...

– Три, – грубо перебил его Владимир. – В школе учились, нет? Три агрегатных состояния воды: жидкое, твердое, газообразное.

Маша усилием воли подавила в себе острую неприязнь. Ей определенно не нравился этот человек. И рубашка-гавайка его, разрисованная оскалившимися акулами, не нравилась. И модная стрижка с выбритыми висками. И бульдожье лицо с крепкой нижней челюстью. И даже его манера двигаться враскачку с первой минуты пребывания на корабле, как будто он уже сотню раз ходил в шторм по палубе, а не поднялся только что вместе со всеми.

Она вообще недолюбливала людей, убежденных, что они хозяева жизни.

Яков Семенович кротко глянул на Владимира голубыми глазами и снова перевел взгляд за борт, где солнце плело в волнах золотые сети.

– Два состояния, – повторил он, будто не слышал. – Либо она вас спасает, либо убивает. Для нас «Мечта» – быстроходный парусник, а для моря – воз.

– Что? – переспросил Владимир.

– Воз. Потому что в море что с воза упало, то пропало.

Повисло молчание. Волна с разбегу ударила о борт, плеснула громко, будто хлопнула в ладоши, и все вздрогнули.

Маша живо представила, как их деревянная телега неторопливо движется по синему тракту, а за ней следуют, облизываясь, морские гады, высовывая костистые головы из бурюнов.

– И что же, помер этот дядечка? – нервно усмехнулась Яна. – Который свалился?

Боцман перевел взгляд на нее.

– А кто вам сказал, что это был дядечка?

Яна на миг опешила, а когда открыла рот, чтобы возразить, ее уже перебили.

– Значит, если человек упадет за борт, он погибнет?

Женщина в цветастом шарфе вся подалась к Якову Семеновичу. Даже черные очки сняла, будто боялась упустить что-нибудь важное. Маша вспомнила, что у нее редкое имя: Кира. Ее муж, которого она приняла за музыканта, оказался режиссером с необычной фамилией Бур. Аркадий Бур.

– ...погибнет? – настойчиво повторила Кира, не замечая обращенных к ней недоуменных взглядов.

– От обстоятельств зависит. Если ясный день и море спокойное, то гибнуть ему не с чего.

– А если плавать не умеет? – не отступала женщина. Она волновалась и пыталась это волнение скрыть, но получалось плохо. Пальцы безостановочно теребили край шарфа, словно отработывали гамму.

Маше стало неловко. Как будто перед ней начали раздеваться без приглашения. Она отвела взгляд.

– Вытащим! – великодушно пообещал боцман. – Вот если ночью или в шторм, тогда дело другое. Вахтенный не услышал, сам человек испугался – и выйдет нехорошо.

Даже это «выйдет нехорошо», за которым стояла вполне однозначная картина, у него звучало на удивление философски и успокаивающе. Мол, помрет бедолага, ясное дело. Ничего радостного. Но и ужасного, однако ж, тоже нет, все мы смертны.

Кира кивнула и отступила, словно что-то уяснив для себя.

– Вы не умеете плавать? – сочувственно спросил юноша с раскосыми глазами.

– А? – женщина подняла на него рассеянный взгляд. – Умею, и неплохо. А что?

Прозвенел гонг, и матрос Антоша сообщил, что обед готов.

После борща кок, ко всеобщему восторгу, выставил на поднос тарелки с дымящейся вермишелью.

– Макароны по-флотски!

– Ура!

– Разбираем, товарищи!..

– С детства не ел, – признался режиссер, наматывая на вилку клубок макаронин. – У нас в семье это блюдо считалось плебейским, только бабушка меня изредка радовала, когда приезжала погостить. Нет ничего хуже снобизма в еде.

– Последние два слова лишние, – вполголоса заметила Кира.

– Отчего же? А, понял! – Аркадий улыбнулся. – Не помню, кто сказал: интеллектуальный сноб это тот, кто не замечает красивую девушку, сидящую рядом с ним в самолете, из презрения к книге, которую она читает.

– И это вполне оправдано!

Аркадий повернулся к Яне, непринужденно вмешавшейся в их разговор, и поправил очки.

– Чем же?

– Ее глупостью, – пожала та плечами. – Допустим, она читает пошлейший любовный романчик. Какие-нибудь «Сто тридцать оттенков серо-буро-малинового». Что интеллектуальному снобу делать рядом с такой женщиной?

– Отчего же вы отказываете нашей красивой девушке в уме и любопытстве? – искренне удивился режиссер. – Вы придумали за нее целую историю: мол, она читает книгу, потому что ей по душе всякая муть. Но она может читать ее по совершенно другим причинам. Например, чтобы разобраться в феномене успеха. Или понять, отчего эта книга понравилась ее подруге. Вариантов много. Вы же предпочли самый невыигрышный. И в этом тоже, простите, заключается некоторый снобизм.

Яна не обиделась.

– А я и есть первостатейный сноб!

Она скорчила высокомерную физиономию и брезгливо оглядела тарелки, поджав губы. Сначала засмеялась Маша, а за ней и все остальные.

– Актриса, блин! – проворчал Владимир, однако общий смех как дань артистизму жены ему явно польстил. – На, пей компот.

И заботливо придвинул стакан, в котором на дне плавала разварившаяся рыжая курага.

«Порой роль доброго дядюшки начинает меня тяготить.

Вы только поймите правильно: роль-то необходимая!

Людям на корабле должно быть хорошо. Но плавание, скажу я вам начистоту, штука не слишком комфортная. Мы ж не океанский лайнер с бассейном, официантами и променадом. А вся романтика закончится, как только вас вывернет наизнанку после завтрака.

Вот и выходит: люди плыли за мечтой, а получили качку, паршивое самочувствие и кучу обязанностей в придачу. А если вы думаете, что ставить паруса – это просто, добро пожаловать к нам на борт.

Одно время Капитан хотел табличку заказать: «Избавляем от иллюзий. Недорого». Еле отговорили.

Люди устают, нервничают, боятся. Узнают о себе... разное. Скажем, кто-то думал, что море – это его мечта. А походил под парусом и понял, что его мечта – это пляж в пятизвездочном отеле. Там море домашнее, людьми облагороженное. А у нас – дикое, и черта с два его приручишь. Разница такая же, как между кошкой и тигром.

Все думают, что любят тигров. Только любить их в телевизоре и встретиться в джунглях нос к носу – разные вещи.

Вот тут-то и нужен я. Вовсе не затем, чтобы научить и объяснить. Это ерунда, это и Антоха сумеет! А вот слово правильное вовремя сказать, подбодрить, похвалить – это труднее. Хвалить-то с умом надо, с пониманием. Антоха славный парнишка, но такого понимания у него нету.

Скажем, попались у нас как-то в группе муж и жена. Она – живая, юркая, схватывает на лету. А он – ну, тугодум. Все медленно делает. Отстает от нее.

И вижу я, как он мрачнеет и мрачнеет. Еще бы – малютка-жена его по всем пунктам обходит. А он же мужик! У него самоуважение замешано на том, что он первый по каждому пункту.

Но наконец-то и у него начало получаться. Тут наш Антоха к нему подваливает с таким лицом, будто у него в карманах по два кило счастья, и заявляет: «Здорово вы с такелажем разобрались! Не хуже супруги!»

Я чуть по лбу его не хлопнул. Вот же дурень! Для этого мужика одна мысль о том, что он с женой соревнуется, хуже горькой редьки. А ты ему еще и без обиняков дал понять, что она круче.

Пришлось исправлять ситуацию.

Подхожу я к нашему красавцу, а он уже смурнее тучи. Насупился, как орангутанг, у которого банан отобрали. Того гляди в грудь себя бить начнет. Я, значит, вежливо: так и так, Степан Иванович, не поможете ли с тросами? Другие-то слабоваты для такой работы.

А он, может, и медлительный, но силач. Взялся за бухту – а она тяжеленная! – и пыхтит: куда, мол, волочить?

Потом ходил довольный, смотрел орлом. Еще бы: пять бухт перетащил с бака на ют! Я честно сказал: больше никому на корабле такое не под силу. Может, капитану. И то вряд ли.

И с этой минуты, считай, пошло нормальное плавание у нашего силача. Потому что похвалили его грамотно.

А тросы мы потом с Антохой на пару потихоньку обратно перетаскали. На черта они мне на юте!

Но бывает, человека не хвалить хочется, а с трапа спустить. Нынче руки у меня так и чесались, причем дважды.

Первый раз, когда мордастый вылез жене на подмогу. Бабу свою защищать – дело хорошее. А вот варежку разевать попусту – это совсем никуда не годится. Боцман для салаг – авторитет, власть и скорая помощь в одном лице.

В другое время я бы про нахала забыл через пять минут. Ну, понервничал человек, агрессивным стал от избытка впечатлений, бывает. Но в этот раз во мне будто заноза засела. И поставил я мысленно напротив Владимира Руденко, бизнесмена тридцати шести лет, женатого, бездетного первую зарубку.

А второй случай совсем дурацкий.

После обеда старпом подсел к группе и давай задушевно общаться. У Артемыча это хорошо выходит, особенно с тетками. Зубами сверкнет – и все дамы сердечно размягчаются.

Но сегодня вышла промашка. Старпом поинтересовался у салаг, что им пока труднее всего переносить на корабле.

Обычно народ что отвечает? Правильно: качку. Тогда наш Артем достает таблетки и каждому выдает запас. Очень всем нравится такая предусмотрительность и забота.

Салаги и в этот раз не подвели. «Качку! – кричат. – Волны!» И вдруг посреди этого слаженного хора чистый такой, хрустальный голосок: «В основном, вас».

Я чуть вермишелью не подавился.

Пригляделся, кто это у нас такой прямолинейный. А это девица-русалка! Сидит бледная, серьезная, как комсомолка на вручении почетной грамоты. Ручки на коленях сложила. А ейный парнишка компотом булькает с таким видом, будто ничего удивительного не услышал. Я, кстати, только тут заметил, что волосы-то у него заплетены в косу, а коса свернута под затылком в несколько раз – вроде как у воина.